Людей сегодняшнего дня должно особо интересовать творчество Джалила Мамедкулизаде потому, что он захватил еще темный мир старой, дореволюционной жизни, был живым свидетелем таких картин, которые сегодня кажутся только созданными воображением и воплощенными в киносиенариях и в передачах по телевидению. А он был среди этих далеких от нас сцен и бытовых драм и, что особо важно, находил краски сатирика и пафос верующего в победное будущее, пафос бо-лельщика за народные мучения и страдания. И не только в родной стране, но и в соседних зарубежных краях, где ночь реакции была еще темнее и беспросветней.

Трудно представить сегодняшнему молодому читателю, какая гневная сатира рождалась в сердце писателя в те далекие времена, когда весь темный мир, его окружавший, строго следил за его пером и готов был обрушить на него самые сильные удары, понимая хорошо, что слово сатирика быт сильнее, чем вся ярость реакционеров, продажных чиновников, жадных служителей веры, торгашей, презренных спекулянтов, стражей закона, представителей прогнившего социального порядка, но-вых хитрецов, наживающихся на простых, бедных людях. Мамедкулизаде жил после такого знатока жизни народа,

Фрагмент статьи, написанной специально для журнала «Азербайджан».

как М. Ф. Ахундов, но может показаться, что Ахундов как бы завещал ему продолжать дело, так блестяще начатое им. И Мамедкулизаде с честью принял этот завет. Его рассказы и пьесы идут по следам всего того мрачного, преступного, грубого, лживого, что совершается вокруг, и писатель, призвав себе в помощь опыт таких российских питателей, как Гоголь, Салтыков-Щедрин, Лев Толсгой, смело вторгается в темный мир погибших и погибающих душ, разоблачает жизненную западню, в которой гибнут люди, хорошие, добрые работники, честные труженики. Особо печальна участь дореволюционной женщины характерная в ту пору не только для Азербайджана. Судьба Зейнаб из повести Мамедкулизаде «Пропажа осла» — черная страница из жизни крестьянской женщины тех времен, когда хитрый и жадный кулак мог делать, что хотел, не имея никаких ограничений своему животному устремлению к обогаще-

Как юбилей М. Ф. Ахундова заставил многое вспомнить, о многом задуматься, так столетие со дня рождения скромного бывшего учителя и участника литературных кружков, выдающегося представителя азербайджанской литературы — учителя новых поколений, борца за свободу, свет и будущее родного народа, славного Мамедкулизаде будет праздником народным, большим, культурным праздником, событием, на которое широко отзовутся писатели нашего времени.

Пусть же произведения Мамедкулизаде начнут новый, прекрасный путь на всех языках народов Советского Союза к многомиллионному советскому читателю. Издание его произведений, успешно начатое, должно быть продолжено.

Пусть вслед за Ахундовым и Сабиром в праздничном по-рядке появится и знаменитый, неумирающий, грустный и весе-лый наш друг и современник — Джалил Мамедкулизаде!

Чингиз АИТМАТОВ, лауреат Ленинской премии

лауреат Ленинской премии
Трудно переоценить значение,
ноторое имеет творчество Джалила Мамедкулизаде для развития
современных национальных литератур и в особенности для развития прозы. Он заложил основы
школы реалистической прозы для
тюркоязычной литературы. Велиий творец, он выступал и как
пламенный сатирик, и нак преирасный бытописатель, и как художник-социолог. И везде достиг
совершенства. Выдающуюся роль
сыграл он и в формировании революционной философской мысли.
Я считаю для себя большой че-Я считаю для себя большой честью присутствовать на юбилее велиного азербайджанского писателя.

на острие БЕССМЕРТНОГО ПЕРА

старуха очень соскучилась, как она сказала, по знакомым сло-После этого я сам часто стал заходить к ней и, получая непонятное мне самому острое удовольствие от стихов, завоевывал все большее расположение доброй женщины.

И МЯ Джалила Мамедкулиза-де я услышал впервые в 1916

году — в том же году, когда

прочел первое стихотворение из

«Хоп-хоп-намэ» Сабира. С ними познакомила меня одна по-

жилая вдова, наша соседка. Я

ходил в школу мимо ее дома.

Сын ее уехал далеко, в какой-

то город, на заработки, оставив

дочь. Он наезжал к матери при-

мерно раз в полгода. Старуха

жила очень уединенно. Лишь

иногда, проходя мимо промазученных ворот, я мельком видел

Однажды она, ласково и как будто стесняясь, зазвала меня,

достала что-то укутанное в

материю и, развязав узел, по-

хожий на те, что бывают на котомках, протянула мне тол-

стую книгу: «Почитай-на мне отсюда, а я послушаю». В третьем классе сельской школы

В тот день я прочел вдове несколько стихотворений Саби-

спросил, откуда у нее эта кни-

га. Оказалось, что книга была «настольной» в этой маленькой

семье, но после отъезда сына

на заработки некому читать. И

я уже читал свободно.

бабушки свою десятилетнюю

Через два-три месяца, зимой 1916 года, в снежный день, я возвращался из школы и увидел у ворот свою соседку. Она поджидала меня. Но вместо чтения «Хоп-хоп-намэ» она поставила передо мной тарелку с несколькими ломтями дыни и ку-сок хлеба. «Устал учиться? Поещь, — сказала она. — Сын прислал из Мерва». Не тронув хлеб, я с наслаждением съел вкусную чарджуйскую дыню, вытер мокрым полотенцем кончики пальцев и стал ждать, когда мне предложат приняться за чтение. И вдруг я увидел нечто новое: тоненький иллюстрированный журнал, и не один, несколько, похожих один на другой. Название было написано крупными темно-красными буквами «Молла Насреддин».

АБУЛЬГАСАН .

Bryme Modercou.

Первым делом я стал разглядывать картинки. Между ними и рисунками, которые я видел в «Хоп-хоп-намэ», было странное сходство. Молла, дервиш, хан, бек, интеллигент, помещик, бедняк как будто были перерисованы из «Хоп-хоп-намэ» (или обратно). Когда, просмотрев один журнал — старый, с по-желтевшими страницами, — я взялся за второй, вдова нетерпеливо сказала: «Ну, хватит, сынок, хватит: посмотрел картинки - теперь читай, что написа-

До того времени я видел в жизни всего один журнал — «Школа». С «Моллой Насреддином» познакомился впервые. Эти четыре выпуска, присланные вместе с дынями из Мерва, были так зачитаны, что даты выхода можно было рассмотреть с трудом.

Я начал. Прочел заметки о событиях, происшедших в разных городах, о том, как старик женился на маленькой девочке, как из-за того, что девушка убежала с молодым человеком, произошла большая драка, в которой погибло несколько человек, прочел об истязаниях во время магеррама и задумался Вдова тоже сидела пригорюнившись. Возникло очень странное чувство: все эти сообщения о хорошо знакомых, обычных вечитать, хотя, казалось бы, ничего нового они не открывали... И так же, как к «Хоп-хоп-намэ», я пристрастился к «Молле Насреддину». Вскоре, не дожидаясь приглашения, я забе-

гал к соседке читать журнал. Когда я теперь вспоминаю как все это было, мне представляются полными особого смысла неясные мальчишеские прозрения. Произошла моя встреча с реализмом в литературе, с неприкрытой, не стилизованной правдой жизни. Я начал понимать красоту и захватывающую увлекательность суровой правды, вернее даже не «понимать», а ощущать...

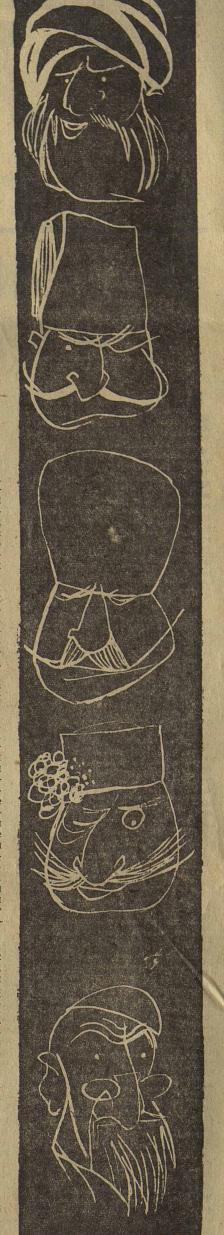
В большом поселке, где было много богачей и священников, никто не выписывал этот журнал. Пришлось попросить в письме сына вдовы прислать новые номера. Пока мы переживали эти впечатления, из Мерва пришел ответ. В письме, написанном незнакомой мне рукой странствующего торговца, говорилось, что найти этот журнал труднее, чем достать землю с могилы имама или самого пророка. На него подписы-вается очень мало богатых людей. «Молла Насреддин» нападает на них, поэтому они не хотят его читать. Однажды журнал напечатал письмо одного из таких. В письме было сказано, что, если журнал перестанет оскорблять религию и достойных людей, на него будут подписываться, будут покупать его. Пока до этого еще далеко. А старые журналы попали в посылку только потому, что их прочла уже вся беднота округи.

Прошло полвека. Сегодня, когда вся наша огромная страна с любовью и гордостью отмечает столетие со дня рождения Джалила Мамедкулизаде, я вспомнил этот маленький эпизод. Он кажется мне красноречивым. «Почтенные» люди не хотели подписываться на крамольный журнал, а в далеком поселке безграмотной вдове были известны и дороги строки двух великих новаторов — Сабира и Джалила Мамедкулиза-. Читал их ей мальчишка, ученик 3-го класса сельской школы, и судорожно старался понять, почему его так волнует обыкновенная жизнь, запечатленная в слове.

...Этот журнал постепенно, бомба замедленного действия, подрывал основы тоглашней жизни — гнет, бесчестность, невежество, дикие суеверия. И недаром именно Джалил Мамелкулизале по-настоящему от крыл крупнейшего в азербайджанской литературе поэта нового типа, стоящего, как я ду-маю, на уровне Низами и Физу-

Дружба Джалила Мамедку-лизаде с Сабиром должна изучаться и служить примером для современных писателей и деятелей искусства. Чудотворную силу этой идейной дружбы мы ясно ощущаем в творчестве обоих. И у меня снова горячо на сердце, когда я думаю об этом не случайном совпадении «Хоп-хоп-намэ» и «Молла Насреддин» пришли ко мне вместе один за другим, в доме старой крестьянки...

на остриЕ БЕССМЕРТНОГО ПЕРА

Памятник Джалилу Мамеднулизаде, который будет установлен на родине писателя. Работа скульптора Мирали Миркасимова. БЕССТРАЩИЕ ПРАВДЫ

В ПОРУ моей работы над спектаклем Азербайджанского драматического театра имени Азизбекова «Мертвецы» я особенно внимательно вчитывался в пъесу Джалила Мамедкулиза-де. Передо мной открывались подлинные сокровища ума его создателя, необычайная глубина любви к людям, ненависти ко всякой фальши и лицемерию, искусство бесстрашной правды, глубокого проникновения в действительность.

Как живо, как ярко изображены в пъесе характеры, какое искреннее возмущение шарлатанами, обманщиками всех мастей звучит здесь, какая душевная боль за свой угнетенный, опутанный религиозным дурманом народ, с какой страстной решимостью сражается писатель за счастье людей, за их человеческое достоинство!

Это все очень трогало сердце, будило воображение, подсказывало образное решение — потому работа над музыкальным оформлением спектакля шла легко, мне было очень интересно. А дальше я стал перечитывать и все другие, известные раньше рассказы и повести, новеллы — и невольно удивлялся той силе, с которой суровое и глубокое слово Джалила Мамедкулизаде звучит в наши дни. И мне подумалось, что подлинное значение Джалила Мамедкулизаде еще не понято до конца. Его хорошо знают ученые всего мира. Издаваемый им журнал «Молла Насреддин» был очень популярен во многих странах Востока, в Индии. Однако художественные произведения писателя, его великолепные повести и рассказы как-то не получили достойного распространения среди самых широких масс читателей. Причиной тому — необычайная скромность, застенчивость самого автора, с одной стороны, и уже вовсе неуместная наша скромность. Что-то подсказывало: широкое признание этого писателя еще впереди. Ведь в истории литературы сколько угодно случаев, — взять хотя бы Шекспира, Сервантеса, — когда признание приходило (но все же приходило, когда речь идет о настоящем таланте) очень поздно. Так и мне думается, что творчество Джалила Мамедкулизаде станет известным самым широким образом не только в нашей республике, нашей стране, оно станет достоянием всего человечества. И как я рад. что сейчас так торжественно отмечает вся наша страна юбилей великого писателя, что вместе с нами празднуют эту знаменательную для азербайджанского народа дату гости, приехавшие с разных концов планеты.

народный артист СССР, лауреат Ленинской премин.

Писатель-революционер

Я счастлив, что мне представи-лась возможность сказать на ро-де. Джалила Мамедкулизаде сло-Джалил Мамедкулизаде открыл дине Джалила Мамедкулизаде с слово об этом прекрасном художниме. Это был подлинно революциме это был подлинно революциновую струю в азербайджанскую
литературу. От феодальной направленности к демонратизму, а затем и к социалистическому содержанию — таков путь, который
проделала азербайджанская литература благодаря Мирзе Джалилу.
В то время для азиатских писателей было нелегко оценить значение Великого Октября. Но Джалил Мамедкулизаде сумел понять
и принять, глубоко осознать далено идущие последствия Октябрьской революции, в особенности
для народов стран Азии. Он не
только воздал должное, понял
сущность этой революции, но и
сделал все, чтобы утвердить в
умах и сердцах современников ее
идеи. И в этом — великое значе-

мирза джалил

МНЕ рассказали, что Джалила Мамедкулизаде в Азербайджа-IVI не называют просто «Мирза Джалил». Когда он издавал свой знаменитый журнал «Молла Насреддин», в редакцию шли потоки писем, в которых читатели и к «Насреддину» обращались попросту: «дядя Молла». Это меня не удивляет. Мирза

Джалил был тысячью нитей связан с народом. Он сделал многое не только для своего азербайджанского народа, но и для всех народов Востока. Он продолжил и углубил традиции реалистической социально-бытовой сатиры, так блистательно заложенные Мирза Фатали Ахундовым, традииии демократичности, народности и прямых связей с корифея-

Когда читаешь Джалила Мамедкулизаде, вспоминаешь Гоголя и отношение к нему революционеров-демократов — Белин-ского, Чернышевского, Добролюбова. Вспоминаешь определение «натуральная школа», которое в XIX веке было синонимом кри-тического реализма. Чернышевский написал «Очерки гоголев-ского периода русской литературы». Наверное, можно напи-сать: «Очерки «насреддиновского» периода азербайджанской литратуры» — периода, наиболее близкого нам в дореволюци-

онное время. Но Мирза Джалил жил и работал в полную силу и в советскую эпоху. Он с энтузиазмом встретил революцию, и его талант расцвел и засверкал по-новому. Молодой советской литературе нужна была сагира нового типа — сагира, берущая си-лы в утверждении нового строя, беспощадная ко всему старому. Здесь Мирза Джалил многое мог сделать своими чудесными рассказами и фельетонами — злыми, веселыми, бесконечно изобретательными и остроумными, по духу и по содержанию близкими советскому чигателю.

Мирза Джалил не писал стихов, но мне он близок своей любовью κ слову. Он, как поэт, лаконичен и точен, он чувствует прелесть народного языка, — это ощущается даже в переводах. А журнал «Молла Насреддин» явно сродни «Фитилю» — ведь это в известном смысле сатирическая хроника своего времени.

Есть еще одна область, где Мирза Джалил предстает перед нами большим мастером, - это драматургия. Он автор превосходной комедии «Мертвецы», где суровая правда жизни, острота обличения сочетаются с глубокой и сложной психологией характеров. Образ главного героя комедии — Искендера — человека жалкого, но честного, бессильного, но обаятельного — создан настоящим, высокоталантливым драматургом.

Столетие Джалила Мамедкулизаде — дата, которую с искренним чувством отмечают не только на Востоке, в Баку, но и в России, у нас в Москве. Я рад, что могу сказать об этом

> С. МИХАЛКОВ, секретарь Московского отделения Союза писателей СССР.

фических, ни национальных. Таков был талант Джалила Мамедкулизаде. Об этом хорошо сказал доктор филологических наук Ш. Курбанов в своем посмертном труде: «Живут в мире два «Моллы Насреддина». Мы не знаем, сколько лет одному из них, и так же трудно определить, с какой из восточных стран он больше связан. Но этот вечный образ мудреца, хотя его имя иногда в разных краях звучит по-разному, одинаково дорог и близок всем народам Востока. А вот второму «Молле Насред-дину», как мы знаем, исполнилось сто лет. На первый взгляд -он чисто азербайджанское явление, на самом же деле он по примеру своего тезки стал олним из популярнейших людей на Востоке».

Думается, эти слова образно и вместе с тем очень точно выражают суть и очарование писательского дара Дж. Мамедкулизаде, завоевавшего поистине мировое признание.

В большом архипелаге азербайджанской классической литературы Дж. Мамедкулизаде высится как одна из ее высочайших вершин. Если в Азербайджане двенадцатый век был ознаменован гением Низами, если шестнадцатый век насквозь пронизан лирическими токами поэзии Физули, если прошлый век обогащен художетвенной и философской мыслью Мирза Фатали Ахундова, то двадцатый век озарен грозной и человечной сатирой Дж. Мамедкулизаде. Подобно своим великим предшественникам, Дж. Мамедкулизале основал новую

но и далеко за его пределами. По признанию известного турецкого ученого Ф. Кепрюлю-заде, художественные творения Дж. Мамедкулизаде служили не только своему народу, — они стали достоянием Востока и Запада, прочно вошли в золотой фонд общечеловеческой

Видный английский ориенталист Эдуард Браун в своей монументальной работе об истории печати Ирана еще в 1914 году писал: «Значение журнала, издаваемого Дж. Мамедкулизаде в Тифлисе на тюркском языке настолько велико, что его трудно переоценить». Французский журнал «Ревю монде Мусульман», оценивая сатиру азербайджанского писателя, ставит его журнал на уровень лучших западных изданий. Приведем свидетельство французского восто-коведа А. Беннигсена. В одном из своих исследований, говоря о Дж. Мамедкулизаде, он определил место его журнала рядом с боевыми печатными органами времен Великой французской революции.

Характерно, что английский журнал «Центральноазиатское обозрение» считает, что в иранской революции 1905—1911 Дж. Мамедкулизаде и его журнал сыграли громадную роль. Эта мысль получила своеобразное подтверждение. В вышедшей недавно в Тегеране книге о деятелях иранской революции есть специальный раздел, посвященный Дж. Мамедкулизаде.

Эти признания не случайны.

Мощный отзвук творений Дж. Мамедкулизаде отдавался по всему миру. По его примеру в Иране начали издаваться такие демократические издания, как «Насими-Шимал» («Северный ветер»), «Азербайджан». В Турции возник сатирический жур-«Ках-каха» «Мертвецы» Дж. Мамедкулизаде ставились во многих тюрко язычных областях царской России — в Казани, Оренбурге, Ташкенте. Здесь выросли младшие братья «Моллы Насреддина» — периодические сатириче-

ские издания. Из трудов профессора М. Гайнуллина мы узнаем, что Дж. Мамедкулизаде дал путевку в жизнь татарской сатире: вели-кий татарский поэт Габдулла Тукай стал издавать свой журнал «Уклар», воспринимая «Моллы Насреддина» манеру современного сатирического

письма. Чем объяснить такой широчайший диапазон художественных созданий писателя, его публицистической деятельности? Прежде всего тем, что творчество Дж. Мамедкулизаде, будучи тлубоко национальным, перешагнуло через национальные рамки: оно как бы вобрало в себя все нравственные и художественные проблемы стран Востока, явилось своеобразным камертоном, регистрирующим малейшие колебания и волнения общества. Его публицистика стала своего рода энциклопедией политических страстей Восто-

ка и других районов мира. Боевой журналист, Дж. Мамедкулизаде стал верным союзником революционеров Ирана и Турции, поднял свой голос в защиту национально-освободи-

в Индии, в арабских странах. Когда англо-французские и испанские колонизаторы в 1907 году стали разрывать на части многострадальное Марокко, когда Италия истребляла мирное население Триполи, гневный, протестующий голос писателя, гремел на Востоке, и его слышали на Западе. Его читали в Тавризе и Тегеране, в Каире и Налькутте, в Стамбуле и Бомбее. Его журнал имел подписчиков в Берлине и Париже, в Токио и Чикаго. Но как истинный художник и большой человек, он имел во всем мире не только друзей, но и врагов. Его : предавали анафеме во многих мечетях Ближнего Востока те, кто страшился распространения революционно- демократических идей. Но ничего не могло сломить этого гуманиста и борца.

Конечно, секрет мировой известности и влияния Дж. Мамедкулизаде кроется в его блестящем мастерстве, в его потрясающей живописи, в его глубоком художническом проникновении в человеческую душу. Его манера письма неподражаема. Его образы настолько оригинальны, что все вместе как бы составили свой особый мир, с которым благодаря Дж. Мамедкулизаде познакомилось человечество. Это основная и неоценимая лепта, внесенная Дж. Мамедкулизаде в сокромировой литературы. Это и объясняет широкое распространение и влияние его книг и идей на умы современников и последующих поколений.

Аббас ЗАМАНОВ.

